

1917–2017: УРОКИ СТОЛЕТИЯ ДЛЯ РОССИИ И МИРА*

К. Н. Лобанов

Белгородский юридический институт МВД РФ им. И. Д. Путилина

Аннотация. В сознании россиян 1917 год связывается, прежде всего, со столетием Февральской революции и последующими за ней октябрьскими событиями. И не случайно. Ведь тысяча девятьсот семнадцатый справедливо считается переломным моментом новейшей истории, после которого Россия и мир уже не могли быть прежними и начали развиваться по новой социальной траектории. Многие государства под влиянием идей русского революционизма и практики постреволюционной модернизации развернулись от дикого капитализма к социальной ориентированной экономике, отказались от авторитаризма и формальной демократии в пользу открытой и диверсифицированной системы власти и управления, перестали подавлять личность и предоставили людям больше прав для самореализации. Все это стало возможным благодаря глубокому осмыслению русского опыта, его творческой переработке в сферах экономического моделирования, государственного строительства и социальных взаимоотношений.

Автор формулирует следующие ключевые вопросы: как у россиян обстоит дело с рефлексией? иначе говоря, усвоили ли они собственный опыт, извлекли ли уроки из своего прошлого? Анализируя события вековой давности и проводя параллели с более поздними событиями и современностью, он обозначает свою позицию в ответ на них.

Ключевые слова: Россия, 1917, революции, россияне, опыт, осмысление.

Copyright: © 2017 Лобанов. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на ее автора и оригинальную публикацию.

Адрес для корреспонденции: К. Н. Лобанов, Белгородский юридический институт МВД РФ. Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71.
E-mail: lobanov-pol[at]yandex.ru

---

* Первая версия статьи: Лобанов, К. Н. 2016. 1917–2017: уроки столетия для России и мира. *Politeia* (Баня-Лука) 6 (12): с. 1–9.

1917–2017: LESSONS OF THE CENTURY FOR RUSSIA AND BEYOND

K. N. Lobanov

I. D. Putilin Belgorod Institute of Law,
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Abstract. For most Russians, the year 1917 is primarily connected with the centennial of the February Revolution and the subsequent October events. This is quite logical, as 1917 is justly considered a landmark in modern Russian history, after which both the country and the world could not return to their previous condition and instead followed a new trajectory of social development. Influenced by Russian revolutionary ideas and Russia's subsequent modernization, many countries reformed their capitalist economies to create welfare states and abandoned authoritarianism and formal democracy, while turning to a more open and diversified system of power and government. They also curtailed their suppression of individual freedoms while giving citizens more opportunities for self-expression. These developments became possible due to a thorough reflection on the Russian experience and its creative interpretation in the economy, state government, and social interactions.

The author addresses the following key questions in his article: did Russians themselves manage to reflect on this experience? In other words, did they learn from this experience? In analyzing the crucial events of 1917 and pointing to some later and contemporary parallels, he outlines his stance toward them.

Keywords: Russia, 1917, revolutions, Russians, experience, understanding.

Глядя с высоты текущего дня на минувшее, трудно дать однозначный ответ на поставленные выше вопросы. Вероятно, правильнее было бы сказать, что одни исторические уроки россияне усвоили из своего прошлого, а другие нет. Да и вряд ли за сто лет – по историческим меркам ничтожный срок – можно было бы целиком «переварить» всю эту глыбу исторического наследия, чтобы потом спокойно отделить рациональное и позитивное от одиозного, а затем плавно инкорпорировать их в свое социальное бытие. У россиян на это просто не было времени, ведь весь постреволюционный период новейшей нашей истории страна либо воевала, либо готовилась к войне, сама находясь в перманентном состоянии незатухающего гражданского противостояния в тех или иных его формах. Весь этот опыт глубоко выстрадан и переживается народом до сих пор. Можно сказать, что россияне только совсем недавно стали уходить от начальной, чувственной стадии отражения событий 1917 года, когда *sensus* перестали возобладать над *ratio*. Тем не менее, несмотря на экстремальность условий бытия, остроту восприятия прошлого и его

неоднозначные оценки в национальном коллективном сознании, российскому социуму удалось, на наш взгляд, постичь главные максимы, всеобщие жизненные правила своего дальнейшего существования с учётом предшествующего опыта развития. Хотя и не в полной степени.

Так, например, мало кто в российском обществе сомневается в том, что очередная социальная революция нашей стране противопоказана. Люди понимают, именно в силу исторического опыта, что новые рукотворные катаклизмы приведут к гибели нацию и государство, а техногенные факторы современности могут придать этому процессу глобальный размах. Россияне, можно сказать, выработали иммунитет к революционности. Иначе чем объяснить тот факт, что в 1991 и 1993 годах подавляющая часть граждан не позволила вовлечь себя в очень опасное противостояние властей, а в наши дни категорически не желает пополнять протестную массу, достаточную для запуска в России очередного «цветного» проекта? В то же время мы видим, что в стране существует немало факторов, прямо или подспудно вызывающих недовольство людей. Прежде всего, это разительное имущественное расслоение, фактическое правовое неравенство, дефицит справедливости в обществе, слабая система социальной защиты, бедность значительной части населения. Вкупе эти неблагоприятные социальные явления свидетельствуют о регрессе общественной системы и архаизации структуры общества, ведут к возрождению давно изжитых в мире классовых подходов и принципов социальной жизни. Обращаясь к событиям начала XX столетия, можно сказать, что череда российских революций как раз была вызвана резкой социальной дифференциацией, которая возмущала подавляющую часть общества, поднимая на борьбу.¹ Непонимание или игнорирование этого исторического опыта есть прямой путь к социальной турбулентности и катаклизмам. В данном контексте один из главных уроков 1917 года заключается в том, что само общество, и особенно избыточно богатая часть его, не должны провоцировать революции поощрением и консервацией резких имущественных и иных социальных диспропорций. Наоборот, нужно работать над тем, чтобы диспропорции общественного развития могли быть сглажены.

Однако эти диспропорции никогда не будут нивелированы сами по себе, ибо, насколько трудно отдельному человеку психологически расстаться с частью богатства в пользу ближнего, настолько же проблематично это для целых социальных страт. Значит, должна быть некая сила, способная инициировать определенные поведенческие программы на макроуровне, стимулировать или принуждать к следованию им большие массы людей. Такой силой является государство. Обладая механизмами суверенной власти, эта

---

¹ О социальной несправедливости как причине русских революций писали все отечественные мыслители XX столетия. См., напр.: Бердяев 1990; Розанов 2001; Ильин 1993 и другие.

политическая организация задает курс движения всему обществу в выбранном направлении. Например, так называемое «социальное государство» проводит политику перераспределения материальных благ в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся. При таком подходе со стороны власти общество начинает осознавать и ценить преимущества социального мира, активизирует свои солидаристские и интеграционные возможности, становится малочувствительным к радикальным идеям и их носителям. Напротив, классовое государство оберегает традиционный порядок асимметричного распределения материальных и социальных ресурсов в обществе. Большинство населения воспринимает такой уклад как несправедливый, социум раскалывается, и часть начинает протестовать, создавая революционную ситуацию. В случае же успеха революции или переворота вместе с социальным порядком сметается и защищавшая его государственная власть, начинаются «окаянные дни».² Такие вот простые в доктринальном смысле, но, к сожалению, весьма сложно постигаемые в социальной практике причинно-следственные связи – это тоже бесценный исторический опыт. Его суть состоит в том, что современное государство по своей природе может быть только общесоциальным, но никак не классовым. Это почти аксиома нынешнего бытия, ибо не нужно доказывать то, что государственная власть становится полноценно легитимной лишь в случае признания ее широкими массами народа, равно как и то, что стабильность в обществе напрямую зависит от способности государства выполнять социальные функции.

Безусловно, если государство не желает революционных потрясений, то оно должно быть не только социальным, но еще и сильным. Ведь советская государственность была общенародной, но не смогла уберечь страну от эрозии и развала. Несравнимо более слабыми были власть Временного правительства и царский режим. Последний разложился настолько, что, по словам политического деятеля начала XX столетия Василия Шульгина, «...не нашлось и батальона солдат для защиты трехсотлетней монархии» (2015, 214). Сегодня, когда по миру катится волна «цветных» революций (см. Лобанов 2015), безжалостно сметающая нестабильные, внутренне непрочные режимы, эти уроки прошлого становятся всё более актуальными.

Еще бóльшую остроту последний тезис имеет для многонациональных, сложносоставных государств. Для таких систем эпоха революций и войн всегда становится суровым тестом на выживаемость. В период спокойного экономического развития и роста национальные проблемы внутри страны обычно не проявляют себя активно. Однако стоит центральной власти претерпеть потрясения, как

---

² Революционный хаос и террор в России реалистично описал Нобелевский лауреат по литературе И. А. Бунин (1991).

окраины уже заявляют о своем суверенитете, объявляют о сецессии и т. д. Так, не выдержали проверки стрессом Российская, Австро-Венгерская и Османская империи. Распад этих великих держав – прямое следствие революционных событий и небывалого в истории всплеска национализма. Вместе с тем, постимперская суверенизация, как правило, не приносит бывшим национальным окраинам очевидных преимуществ. Более того, многие из них оказываются не способными поддерживать собственную государственность из-за слабости экономической базы, отсутствия традиций державности, междоусобных конфликтов. Среди этих *failed states* начинается процесс обратной кристаллизации вокруг одного центра притяжения и силы. Большинство окраин бывшей царской России сплотились в 1922 г. вокруг Российской Советской Федеративной Социалистической республики в новое государство Союз Советских Социалистических Республик. То же самое осуществили югославянские осколки рухнувшей Дунайской империи, потянувшиеся как шарики ртути к сербскому государству и создавшие все вместе Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев в 1918 г. (позже – Королевство Югославия, затем – Социалистическую Федеративную Республику Югославия). Обе федерации – и советская, и югославская – строились на новой идеологической основе, и, казалось бы, должны были бы быть более монолитными, чем прежние супергосударственные образования имперского периода. Однако вирус национализма, вызванный к жизни революционными катаклизмами начала XX столетия, оказался сильнее и живучее коммунистической доктрины.³ Социалистические федерации не выдержали нового натиска националистического революционаризма и стали стремительно рассыпаться. Все повторилось вновь и с неизмеримо большими потерями. В итоге югославской и чехословацкой федерациям возродиться было не суждено, а Россия, пережившая в 1991–2001 гг. состояние политического и экономического полураспада, сегодня с большим напряжением восстанавливает внутриинтеграционное пространство. Но и эти попытки в конечном счете будут обречены на провал, если в коллективном сознании народа не утвердится представление об исчерпаемости лимита революций для России. Потому что очередная революционная встряска для нашей страны однозначно приведет к новому взрыву национализма и сепаратизма, что будет означать её гибель как федеративного государства. Прервать этот полный страданий *circle of sansára* в силах общества и власти. При условии, конечно, что они уяснят свои прошлые просчеты.

Размышляя о периоде революций и войн в новейшей истории России, нельзя не упомянуть о роли человеческого фактора в ходе социальных потрясений и перемен. Наряду с общественным и институционально-политическим измерениями, этот срез анализа заслуживает не меньшего внимания. Как показывает пережитое, люди

---

³ Подробно об этом см.: Лобанов 2014.

участвуют в революционных и постреволюционных событиях под воздействием определенных идеологий, побуждаемые заинтересованными политическими организациями. В зависимости от содержания доктрин и политического руководства *l'homme révolté*⁴ становится либо деструктивной, либо конструктивной силой социальных изменений. Так, человек-разрушитель был востребован «майданной», «оранжевой», «бульдозерной» и всякого рода иными революциями подобного рода. Однако никакой созидательной деятельности масс идеологии таких революций не предполагали, поэтому человек-творец оказался им не нужен. И напротив, вспомним, как под влиянием коммунистической идеологии советский человек – ниспровергатель всего старого превратился в строителя и защитника своей обновленной великой страны. Не хочу, чтобы меня поняли превратно: я вовсе не призываю реанимировать монополию марксистско-ленинского учения в своем или в чьем-либо еще обществе. Вместе с тем, мы отчетливо видим в окружающем нас пространстве, к чему приводит идеологический вакуум. Сегодня перед российским обществом и властью стоит задача создать новую созидательную национальную идею, которая могла бы спланировать людей. Базовыми концептами нарождающейся идеологии станут гражданственность, государственность, патриотизм, сопричастность к великой национальной культуре и героическому прошлому народа. Об этом сейчас все чаще говорят и простые россияне, и представители властных структур. Если такая идеологическая система будет предложена и принята большинством членов общества как на уровне сознания, так и практики, то в российском социуме весьма затруднительно будет устроить *rebelión de las masas*,⁵ а Человеку не придется делать мучительный для него выбор между социальной организацией и дезорганизацией.

Важной духовной составляющей жизнедеятельности личности и общества всегда была вера. Многие столетия православие придавало существованию русского человека и всего православного мира осмысленность и создавало необходимую для социального творчества внутреннюю энергетику. Атеистическая власть, отвергавшая Бога и устроившая гонения на веру, посеяла смятение в душах людей и затем принялась культивировать новые духовные начала, впоследствии оказавшиеся нежизнеспособными. Всякие ли социальные изменения обязательно должны влечь за собой ниспровержение традиционных жизненных устоев общества, в том числе и его духовных оснований? Вероятно, это еще одна универсалистская энигма новейшей истории, которую предстоит расшифровать не только нашему народу, но и всему человечеству.

Именно с точки зрения глобальных, общечеловеческих принципов сосуществования (*homo – mensura*) всемирному социуму стоит

---

⁴ См.: Камю 1999.

⁵ См.: Ортега-и-Гассет 2016.

поразмислить и над более масштабной проблемой: о гуманистическом содержании тех или иных способов осуществления социальных изменений. Гуманны ли по своей сути социальные революции? Единственный ли это для субъекта переустройства путь исправления не удовлетворяющей его действительности? Российский опыт XX столетия свидетельствует о том, что нет. Колоссальная по разрушениям и людским страданиям гражданская война в России 1918-1922 гг., триггерами которой как раз послужили Февральская и Октябрьская революции, была антигуманной. Как антигуманными по своему содержанию были и сами революции, ее породившие. Вождь российского большевизма Владимир Ленин, проводя параллель между русской революцией и Великой французской, утверждал: «Возьмите историю французской революции, увидите, что такое якобинизм. Это борьба за цель, не боящаяся никаких решительных плебейских мер, борьба не в белых перчатках, борьба без нежностей, не боящаяся прибегать к гильотине» (Цит. по: Валентинов-Вольский 1953). Ещё более бесчеловечными могут оказаться революционные потрясения нынешнего времени. И на это есть свои причины. Во-первых, причинами большинства революций постбиполярной эпохи являются не классовые, а этно-конфессиональные противоречия, а такие конфликты, как известно, относятся к самым жестоким и непримиримым формам противостояния сторон. Во-вторых, арсенал средств революционной борьбы расширился настолько, что способен уничтожить не только непосредственного противника, но и всё человечество в случае выхода ситуации из-под контроля. В-третьих, революции нового века имеют другой формат: они довольно легко преодолевают локальные рамки и охватывают целые географические регионы, из-за чего зона социальной деструкции расширяется, а степень применения коллективного насилия возрастает мультипликативно. Осознавая всё это, человеческая популяция должна стремиться к поиску и нахождению альтернативных (и более гуманных), чем революционный, способов изменения социального бытия. Такие способы в начале XX столетия уже начинали применяться в мировой практике. Например, в политике отчетливым выражением эволюционной стороны процесса социального развития являлась социал-демократическая традиция, в хозяйственной жизни – конвергентная модель экономики, в идеологии – солидаристская и реформистская парадигмы. Государства, использовавшие эти инструменты плавного, органичного социального конструирования, в итоге оказались в выигрыше, в отличие от тех, которые предпочли двигаться к прогрессу *методом разрывов и рывков*.⁶ В наши дни перед российским обществом и государством, равно как и перед другими молодыми демократиями, императивно стоит задача придерживаться эволюционного пути развития, максимально использовать механизмы самоорганизации и интеграции для достижения социально позитивных

---

⁶ В оригинале – «методом разрывов и скачков». См.: Цзэдун 1967.

результатов. А уроки прошлого на этом трудном и длительном пути должны предостерегать от уклонения с избранного курса и соблазна решать проблемы быстро, одним махом.

* * *

Революционная тема, безусловно, обширна. Она не исчерпывается обозначенными измерениями: социальные связи – государственная власть – личность человека – глобальное развитие социума. И не заканчивается констатациями. Очевидно одно – ставить крест на русском революционном наследии и на том, что оно означает для самих россиян и для других народов, рано, поскольку не на все вопросы найдены ответы, не весь опыт освоен и не все уроки извлечены. По разным причинам многое еще остается вне объективного, честного и глубокого анализа. И пока этого не произойдет – останется до конца не удовлетворенным главный запрос нашего времени на достижение и сохранение единства общества, на недопустимость гражданских расколов и противостояний, что, в свою очередь, является залогом безопасности и процветания для всего мирового сообщества.

Библиография

- Бердяев, Н. А. 1990. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М.: Наука.
- Бунин, И. А. 1991. *Окаянные дни*. М.: Изд-во «АЗЪ».
- Валентинов-Вольский, Н. В. 1953. *Встречи с Лениным*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.
- Ильин, И. А. 1993. *Путь к очевидности*. М.: Республика.
- Камю, Альбер. 1999. *Бунтующий человек*. М.: Терра-Книжный клуб; Республика.
- Козн, С. 2007. *«Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин.*
- Лобанов, К. Н. 2015. Хибридне и «обојене» технологије као претња националној безбедности, *Политика националне безбедности / The Policy of National Security VI (2)*: с. 85–100.
- Лобанов, К. Н. 2014. Балканы и Србија у фокусу геополитичких интереса светских лидера у најновијој историји. *Србија и политика великих сила 1914–2014*. Књ. 6. Београд: Институт за политичке студије. С. 261–277.
- Мельгунов, С. П. 1990. *Красный террор в России. 1918-1923*. М.: Постскриптум.
- Ортега-и-Гассет, Х. 2016. *Восстание масс*. М.: AST Publishers.
- Розанов, В. В. 2001. *Апокалипсис нашего времени*. М.: Изд-во Захарова.
- Стариков, Н. В. 2012. *1917. Разгадка «русской» революции*. СПб.: Питер.
- Цзэдун, Мао. 1967. *Довести революцию до конца*. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках.

Шульгин, В. В. 2015. *Дни. Россия в революции 1917*. СПб.: Питер.

References

- Berdiaev, N. A. 1990. *Istoki i smysl russkogo kommunizma [Origins and Meaning of Russian Communism]*. Moscow: Nauka.
- Bunin, I. A. 1991. *Okaiannnye dni [Cursed Days]*. Moscow: Publishing House "AZ."
- Camus, Albert. 1999. *Buntuiushchii chelovek [The Rebellious Man]*. Moscow: Terra-Book Club.
- Cohen, Steven. 2007. «Vopros voprosov»: *pochemu ne stalo Sovetskogo Soiuza? [“The Question of Questions:” Why Did the Soviet Union Disappear?]*. Moscow: Airo-XXI; St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Il'in, I. A. 1993. *Put' k ochevidnosti [A Way to Evidence]*. Moscow: Republic.
- Lobanov, K. N. 2014. “Balkany i Serb'ia u fokusu geopolitichkikh interesa svetskikh lidera u nazhivikhooi istorii [The Balkans and Serbia at the Focus of Geopolitical Interests of Secular Leaders in Contemporary History].” *Srbidzha i politika velikikh sila 1914–2014 [Serbia and the Policy of Great Powers 1914–2014]*, 261–277. Vol 6. Beograd: Institute for Political Studies.
- Lobanov, K. N. 2015. “Khibridne i ‘oboiti’ tekhnologiie kao pretna natsionalnoi bezbednosti [The Hybrid and ‘Colour’ Technologies as a Threat to National Security].” *Politika natsionalne bezbednosti / The Policy of National Security VI* (2): 85–100.
- Mel'gunov, S. P. 1990. *Krasnyi terror v Rossii. 1918-1923 [Red Terror in Russia. 1918–23]*. Moscow: Postscript.
- Ortega y Gasset, Jose. 2016. *The Rebellion of the Masses [Vosstanie mass]*. Moscow: AST Publishers.
- Rozanov, V. V. 2001. *Apokalipsis nashego vremeni [The Apocalypse of Our Time]*. Moscow: Zakharova Publishing House.
- Shul'gin, V. V. 2015. *Dni. Rossiia v revoliutsii 1917 [The Days. Russia in the Revolution of 1917]*. St. Petersburg: Piter.
- Starikov, N. V. 2012. *1917. Razgadka «russkoi» revoliutsii [The Solution of the “Russian” Revolution]*. St. Petersburg: Piter.
- Valentinov-Vol'skii, N. V. 1953. *Vstrechi s Leninyim [Meetings with Lenin]*. New York: Chekhov Publishing House.
- Zedong, Mao. 1967. *Dovesti revoliutsiiu do kontsa [To Lead the Revolution to the End]*. Beijing: Foreign Literature Publishing House.

Об авторе

Константин Николаевич Лобанов – доктор политических наук, начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина.